

КОНТУР ВРЕМЕНИ

Анна Ахматова
Я научила женщин
ГОВОРИТЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А95

Ахматова Анна Андреевна

А95 Я научила женщин говорить / Анна Ахматова. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 432 с. — (Контур времени)

ISBN 978-5-17-104868-6

Анна Андреевна Ахматова (урожденная — Горенко, 1889—1966) — поэтесса, писатель, литературовед, литературный критик и переводчик, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Признанная классиком отечественной поэзии ещё в 1920-е годы, Ахматова подвергалась замалчиванию, цензуре и травле. В то же время её имя ещё при жизни окружала слава среди почитателей поэзии как в СССР, так и в эмиграции.

Перед вами дневники Анны Ахматовой — самой пострадавшей русской поэтессы. Чем была наполнена ее жизнь: раздутым драматизмом или искренними переживаниями? Книга раскроет все тайны ее отношений с сыном и мужем и секреты ее многочисленных романов.

Откровенные воспоминания Лидии Чуковской, Николая и Льва Гумилевых прольют свет на неоднозначную личность Ахматовой и расскажут, какой ценой любимая всем миром поэтесса создавала себе биографию.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104868-6

© РИА Новости, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
«Эпические мотивы», 1913

Я родилась в один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии — 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь <...>.

...В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова. Стоговы были небогатые помещики Можайского уезда Московской губернии, переселенные туда за бунт при Марфе-посаднице. В Новгороде они были богаче и знатнее.

Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. В этот день, как в память о счастливом событии, из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход. Этот Ахмат, как известно, был чингизидом.

Одна из княжон Ахматовых — Прасковья Егоровна — в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского

анна АХМАТОВА

помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь Анна Егоровна — моя бабушка. Она умерла, когда моей маме было девять лет, и в честь ее меня назвали Анной. Из ее фероньерки сделали несколько перстней с бриллиантами и одно с изумрудом, а ее наперсток я не могла надеть, хотя у меня были тонкие пальцы.

1964

Свидетельство о крещении

Свидетельство № 4379

По Указу Его Императорского Величества, из Херсонской Духовной Консистории, вследствие прошения жены отставного Капитана 2-го ранга Инны Эразмовой Горенко и на основании определения, состоявшегося в сей Консистории 30-го Апреля 1890 го-да, выдано сие свидетельство в том, что в шнуровой метрической книге Кафедрального Преображенского собора портового города Одессы, Херсонской епархии, за тысяча восемьсот восемьдесят девятый год, во 1-й части о родившихся, под № 87 женс<кого> пола записан следующий акт: Июня одиннадцатого родилась, а Декабря семнадцатого крещена Анна; родители ее: Капитан 2-го ранга Андрей Антониев Горенко и законная жена его Инна Эразмова, оба православные. Восприемниками были: кандидат естественных наук Стефан Григориев Романенко и дочь дворянина Мария Федоровна Вальцер.

Таинство крещения совершал протоиерей Евлампий Арнольдов с псаломщиком Александром Тоболиным. Причитающийся гербовой сбор уплачен г. Одесса. 1890 года Мая 7 дня. Написанному между строк слову «собора» верить.

Член Консистории Протоиерей Евлампий Арнольдов

Анна Андреевна появилась на свет 11 (23) июня 1889 года под Одессой. В семье потомственного дворянина Андрея Антоновича Горенко и Инны Эразмовны Стоговой, кроме Анны в семье, было еще пятеро детей: Андрей, Инна, Ирина, Ия и Виктор.

Брак родителей Ахматовой сложился несчастливо. Андрей Антонович жил в свое удовольствие, не считая, тратил женины деньги, не обделял вниманием ни одной хорошенькой молодой женщины. Инна Эразмовна переживала из-за равнодушия мужа и к ней, и к детям.

Анна Андреевна, хотя в семье ее считали отцовой дочкой за внешние сходства, была всегда на стороне матери.

...И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила, —
Ненужный дар моей жестокой жизни...

(Предыстория, 1945)

Лидия Чуковская **«Записки об Анне Ахматовой»**

(Беседуют Лидия Чуковская, Анна Ахматова и Валентина Срезневская):

— ...*Да уж, твоя мама совсем ничего не умела в жизни. Представьте, Лидия Корнеевна, из старой дворянской семьи, а уехала на курсы. Как она собиралась жить — непонятно.*

анна АХМАТОВА

— Не только на курсы, — поправила Анна Андреевна, — она стала членом народовольческого кружка. Уж куда революционнее.

— Представьте, Лидия Корнеевна, маленькая женщина, розовая, с исключительным цветом лица, светловолосая, с исключительными руками.

— Чудные белые ручки! — вставила Анна Андреевна.

— Необыкновенный французский язык, — продолжала Срезневская, — вечно падающее пенсне, и ничего, ну ровно ничего не умела... А твой отец! Красивый, высокий, стройный, одет всегда с иголки, цилиндр слегка набок, как носили при Наполеоне III, и говорил про жену Наполеона: «Евгения была недурна...»

— Он видел ее в Константинополе, — вставила Анна Андреевна, — и находил, что она — самая красивая женщина в мире.

Потом речь зашла почему-то о руках Николая Степановича: «Бессмертные руки!» — сказала Валерия Сергеевна.

Одна из приятельниц Андрея Антоновича Горенко свидетельствует

«Странная это была семья... Куча детей. Мать, богатая помещица, добрая, рассеянная до глупости, безалаберная, всегда думавшая о чем-то другом... В доме беспорядок. Едят когда придется, прислуги много, а порядка нет. Гувернантки делали что хотят. Хозяйка бродит, как сомнамбула. Как-то, при переезде в другой дом, она долго носила в руках толстый пакет с процентными бумагами на несколько десятков тысяч рублей и в последнюю минуту нашла для него подходящее место — сунула пакет в детскую ванну, болтавшуюся позади воза. Когда муж узнал об этом, он помчался на извозчике догонять ломового. А жена с удивлением смотрела, чего он волнуется, да еще и сердится».

Лидия Чуковская **«Записки об Анне Ахматовой»**

«Я стала спрашивать Анну Андреевну о ее семье. Она такой особенный человек и изнутри, и снаружи, что мне очень хочется понять: есть ли в ней что-нибудь родовое, семейное, общее. Неужели она может быть на кого-то похожа?»

Она рассказала мне о своих сестрах — Ии, Инне.

— Обе умерли от туберкулеза. Ия — когда ей было двадцать семь лет. Я, конечно, тоже умерла бы, но меня спасла моя болезнь щитовидной железы — базедова уничтожает туберкулез. У нас был страшный семейный тbc, хотя отец и мать были совершенно здоровы. (Отец умер от грудной жабы, мать — от воспаления легких в глубокой старости.) Ия была очень особенная, суровая, строгая...

— Она была такой, — продолжила, помолчав, Анна Андреевна, — какую читатели всегда представляли себе меня и какую я никогда не была.

Я спросила, нравились ли Ии Андреевне ее стихи?

— Нет, она находила их легкомысленными. Она не любила их. Все одно и то же, все про любовь и про любовь. — Анна Андреевна стояла у окна и грубым полотенцем протирала чашки.

— В доме у нас не было книг, ни одной книги. Только Некрасов, толстый том в переплете. Его мне мама давала читать по праздникам. Эту книгу подарил маме ее первый муж, застрелившийся... Гимназия в Царском, где я училась, была настоящая бурса... Потом в Киеве гимназия была немного лучше...

Стихи я любила с детства и доставала их уж не знаю откуда. В тринадцать лет я знала уже по-французски и Бодлера, и Верлена, и всех проклятых. Писать стихи я начала рано, но удивительно то, что, когда я еще не написала ни строчки, все кругом были уверены, что я стану поэтессой. А папа даже дразнил меня так: декадентская поэтесса...»

анна АХМАТОВА

Мое детство так же уникально и великолепно, как детство всех детей в мире...

Говорить о детстве и легко и трудно. Благодаря его статичности его очень легко описывать, но в это описание слишком часто проникает слащавость, которая совершенно чужда такому важному и глубокому периоду жизни, как детство. Кроме того, одним хочется казаться слишком несчастными в детстве, другим — слишком счастливыми. И то и другое обычно вздор. Детям не с чем сравнивать, и они просто не знают, счастливы они или несчастны. Как только появляется сознание, человек попадает в совершенно готовый и неподвижный мир, и самое естественное не верить, что этот мир некогда был иным. Эта первоначальная картина навсегда остается в душе человека, и существуют люди, которые только в нее и верят, кое-как скрывая эту странность. Другие же, наоборот, совсем не верят в подлинность этой картины и тоже довольно нелепо повторяют: «Разве это был я?»

В молодости и в зрелых годах человек очень редко вспоминает свое детство. Он активный участник жизни, и ему не до того. И кажется, всегда так будет. Но где-то около пятидесяти лет все начало жизни возвращается к нему.

* * *

Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли — рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю.

Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

I

По аллее проводят лошадок
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

II

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.
И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану..
Холодный, белый подожди,
Я тоже мраморною стану.

анна АХМАТОВА

III

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.
(«В Царском Селе», 1911)

...Основным местом в Царском Селе был дом купчихи Елизаветы Ивановны Шухардиной (Широкая, второй дом от вокзала, угол Безымянного переулка). Но первый год века, 1900, семья жила (зиму) в доме Дауделя (угол Средней и Леонтьевской. Там корь и даже, может быть, оспа).

Дом Шухардиной

...Этому дому было сто лет в 90-х годах XIX ве-ка, и он принадлежал купеческой вдове Евдокии Ивановне Шухардиной. Он стоял на углу Широкой улицы и Безымянного переулка. Старики говорили, что в этом доме «до чугунки», то есть до 1838 года, находился заезжий двор или трактир. Расположение комнат подтверждает это. Дом деревянный, темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном), тоже в полуподвале, мастерская сапожника, на вывеске — сапог и надпись: «Сапожник Б. Неволин». Летом в низком открытом окне был виден сам сапожник Б. Неволин за работой. Он в зеленом переднике, с мерт-венно-бледным, отекившим лицом запойного пьяницы. Из окна несется зловещая сапожная вонь. Все это могло бы быть превосходным кадром современной кинокартины. Перед домом по Широкой растут прямые складные дубы средних лет; вероятно, они и сейчас живы; изгороди из кустов кротегуса.

Мимо дома примерно каждые полчаса проносится к вокзалу и от вокзала целая процессия экипажей. Там всё: придворные кареты, рысаки богачей, полицмейстер барон Врангель — стоя в санях или пролетке и держащийся за пояс кучера, флигель-адъютантская тройка, просто тройка (почтовая), царскосельские извозчики на «браковках». Автомобилей еще не было.

По Безымянному переулку ездили только гвардейские солдаты (кирасиры и гусары) за мукой в свои провиантские магазины, которые находились тут же, поблизости, но уже за

анна АХМАТОВА

городом. Переулок этот бывал занесен зимой глубоким, чистым, не городским снегом, а летом пышно зарастал сорняками — репейниками, из которых я в раннем детстве лепила корзиночки, роскошной крапивой и великолепными лопухами (об этом я сказала в 40-м году, вспоминая пушкинский «ветхий пук дерев» в стихотворении «Царское Село» 1920 года — «Я лопухи любила и крапиву...»).

По одной стороне этого переуллка домов не было, а тянулся, начиная от шухардинского дома, очень ветхий, некрашенный дощатый глухой забор. Вернувшийся осенью того (1905) года из Березок и уже не заставший семьи Горенко в Царском, Н.С. Гумилев был очень огорчен, что этот дом перестраивают. Он после говорил мне, что от этого в первый раз в жизни почувствовал, что не всякая перемена к лучшему.

...Ни Безымянного переуллка, ни Широкой улицы давным-давно нет на свете. На этом месте разведен привокзальный парк или сквер.

Весной 1905 года шухардинский дом был продан наследниками Шухардиной, и наша семья переехала в великолепную, как тогда говорили, барскую квартиру на Бульварной улице (дом Соколовского), но как всегда бывает, тут все и кончилось. Отец «не сошелся характером» с великим князем Александром Михайловичем и подал в отставку, которая, разумеется, была принята. Дети с бонной Моникой были отправлены в Евпаторию. Семья распалась. Через год — 15 июля 1906 года — умерла Инна. Все мы больше никогда не жили вместе. Напротив (по Широкой) была в первом этаже придворная фотография Ган, а во втором жила семья художника Клевера. Клеверы были не царскоселы, жили очень уединенно и в сплетнях унылого и косного общества никакого участия не принимали. Для характеристики «Города Муз» следует заметить, что царскоселы (включая историографов Голлер-

баха и Рождественского) даже понятия не имели, что на Малой улице в доме Иванова умер великий русский поэт Тютчев. Не плохо было бы хоть теперь (пишу в 1959 году) называть эту улицу именем Тютчева.

...А иногда по этой самой Широкой от вокзала или к вокзалу проходила похоронная процессия невероятной пышности: хор (мальчики) пел ангельскими голосами, гроба не было видно из-под живой зелени и умирающих на морозе цветов. Несли зажженные фонари, священники кадили, маскированные лошади ступали медленно и торжественно. За гробом шли гвардейские офицеры, всегда чем-то напоминающие брата Вронского, то есть «с пьяными открытыми лицами», и господа в цилиндрах. В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очереди, и все было похоже на описание похорон графини в «Пиковой даме».

И мне (потом, когда я вспоминала эти зрелища) всегда казалось, что они были частью каких-то огромных похорон всего XIX века. Так хоронили в 90-х годах последних младших современников Пушкина. Это зрелище при ослепительном снеге и ярком царскосельском солнце — было великолепно, оно же при тогдашнем желтом свете и густой тьме, которая сочилась отовсюду, бывало страшным и даже как бы inferнальным.

1959

Царскосельская ода

А в переулке забор дощатый...

Н.Г.

Настоящую оду
Нашептало... Постой,